

M. V. Dyuzenli, M. Yu. Mukhin
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

**PHILOLOGICAL OBSERVATION
AND ITS STATISTICAL SUBSTANTIATION
(THE “MUSICALITY” OF THE STYLE OF I. S. TURGENEV)**

The article is devoted to the issue of objectification of conclusions obtained using traditional humanitarian methods. The results of lexicostatistical and contextual analysis of I. S. Turgenev's prose are discussed. On the basis of comparison with the works of other 19th century writers, a list of individual-authors' words is revealed, which includes lexemes semantically related to the sphere of music and sound. Contexts of the individual-author's vocabulary make it possible to substantiate the philological thesis about the “musicality” of the Turgenev style more clearly.

Keywords: idiostyle, I. S. Turgenev, lexical statistics, stylometry, corpus, statistical analysis, thesaurus.

УДК 81'42

© Е Сянлинь
Государственный университет Чжэнчжи
г. Тайбэй, Тайвань

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧУВСТВА
НЕПРИЯЗНИ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ С. Д. ДОВЛАТОВА
«ЧЕМОДАН»***

Рассматривается эмотивное пространство рассказов из цикла «Чемодан» С. Д. Довлатова. Главное внимание уделено анализу особенностей репрезентации и концептуализации чувства неприязни. Выявлены индивидуально-авторские особенности лексических репрезентаций концепта НЕПРИЯЗНЬ с учетом заполнения и реализации разных структурных зон этого концепта: ядра, приядерной зоны, ближайшей и дальнейшей периферии концепта, что оказывает воздействие и на организацию эмотивного пространства текста.

Ключевые слова: репрезентация и концептуализация эмоций, эмотивное пространство текста, концепт НЕПРИЯЗНЬ, С. Довлатов.

Изучение репрезентации эмоций и их концептуализации является одной из важных задач когнитивной лингвистики. Особенно эмоциональной картины мира раскрываются с помощью выявления, описания и структурирования различных языковых средств,

* Работа выполнена при финансовой поддержке MOST (Министерства науки и технологий, Тайвань): MOST 108-2914-I-004-021-A1

репрезентирующих эмотивные концепты. Как указывает Д. С. Лихачев, концепты зависят друг от друга и в совокупности создают концептосферу национального языка. Рассуждая о формировании концептосферы, Д. С. Лихачев отмечает, что концепты «создаются не только в индивидуальном опыте человека, и не все люди в равной мере обладают способностью обогащать “концептосферу” национального языка. Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям» [Лихачев, с. 499], поэтому, подчеркивает Д. С. Лихачев, особенно богата концептосфера, созданная писателями и фольклором, следствием чего является то, что концептосфера языка — это в сущности концептосфера русской культуры.

В связи с этим можно утверждать, что в тексте воплощаются авторское восприятие и концептуализация мира, создается литературно-художественная концептосфера, значимая для формирования концептосферы культуры, которой автор принадлежит. Об этом пишет и Л. Г. Бабенко: «Текст создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей» [Бабенко 2004, с. 10].

Описание концепта предполагает системное представление когнитивных признаков, составляющих его ментальное содержание, а также различных лексических единиц, репрезентирующих эти признаки. С учетом когнитивной значимости и места в когнитивной структуре концепта эти признаки дифференцируются на: 1) основные — ядерные (базовые) и приядерные (конкретизирующие); 2) сопряженные (включенные); 3) прагматические ассоциативно-образные; 4) модально-оценочные когнитивные признаки, которые формируют соответственно ядро, приядерную зону, ближайшую и дальнейшую периферию ментальной сущности концепта [Бабенко 2017, с. 11–21]. Концептуальный анализ художественного текста предполагает выявление совокупности когнитивных признаков определенного концепта и их структурного представления, что в дальнейшем позволяет рассматривать в целом когнитивное пространство текста.

Нам представляется интересным рассмотреть эмоции в рассказах С. Довлатова в когнитивном ключе и представить ключевые эмотив-

ные концепты как ядро эмоциональной концептосферы его произведений и в то же время как концепты, значимые для формирования концептосферы национальной культуры. Для выявления и описания эмотивных концептов были использованы материалы из цикла рассказов С. Довлатова «Чемодан». В результате проведенного анализа лексического состава рассказов этого цикла были выявлены такие ключевые концепты эмотивной лексики, как Любовь ↔ Неприязнь (168 словоупотреблений), Интерес ↔ Равнодушие (157), Спокойствие ↔ Беспокойство (97), Счастье ↔ Несчастье (84), Доброта ↔ Жестокость (82), Радость ↔ Грусть (80), Смелость ↔ Страх (77). Группировка лексических единиц основана на принципе идеографической классификации, представленной в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи» [СТСРП] и «Словаре-тезаурусе русских прилагательных, распределенных по тематическим группам» [СТРП].

Данная статья посвящена концепту НЕПРИЯЗНЬ, противоположному концепту ЛЮБОВЬ. Текстовый анализ показал, что в концепт НЕПРИЯЗНЬ входят такие ключевые и сопряженные понятия, как *неприязнь, отвращение, презрение и унижение*. Распределение количества лексических употреблений, составляющих категории «Неприязнь» и «Любовь» — 60 % и 40 % — говорит о преобладании изображения негативных эмоций в тексте Довлатова. Предмет нашего анализа — концепт НЕПРИЯЗНЬ, в связи с чем нас интересуют лексические средства его репрезентации, особенности его текстовой категоризации и концептуализации в изучаемом тексте.

В цикле рассказов С. Довлатова «Чемодан» в формировании концепта НЕПРИЯЗНЬ участвует эмотивная лексика разных когнитивно-дискурсивных групп. Во-первых, это лексика, называющая чувства неприязни, отвращения, антипатии (*неприятность, зависть, ненависть*), лексика, характеризующая объекты и их признаки, вызывающие неприязнь и отвращение (*опротиветь, отвратительный, отталкивающий, невыносимый, ненавистный, агрессивный, уродливый, хари*), выражающая отношение к подобным объектам (*надоедать, недолюбливать, ненавидеть*), описывающая эмоциональное состояние неприязни и отвращения (*гнусный, отвратительно, тошнотливо, скверно*). Во-вторых, в ее состав входит и лексика, описывающая состояние человека, ставшего объектом презрения и унижения (*зачахнуть, унижаться, обижаться, обидеться, чувствовать обиду*), характеризующая презрительное и унижительное отношение к кому-

чему-л. (*оскорбительный, пренебрегать, оскорбить, обижать*), а также лексика, преимущественно разговорная, разговорно-сниженная, бранная, дополненная устойчивыми выражениями, выражающая презрение и унижение (*физиономия, морда, рожка, оболтус, подонок, поганка, гад, сука, дерьмо, хреновина, дрянь, говно, ворюга, орава, зюзя, мудозвон, галоша, чучело, ряса, гаврик, инфантильный, паршивый, засраный, жрать; в рожу наплевать; мать вашу за ногу; к едрене фене*). По количеству употреблений выявленных типов когнитивно-дискурсивных лексем в тексте превалирует вторая подгруппа, репрезентирующая более агрессивные проявления чувства ненависти: презрение и унижение. Лексический состав данной подгруппы преобладает над первой подгруппой вдвое, что связано со множеством употреблений бранной и просторечной лексики, содержащей негативные коннотации с оценками пренебрежения, презрения, уничижения.

В научной литературе концепты ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ описываются как бинарная оппозиция (например, в работах: [Балашова], [Хутова]). Для анализируемых текстов нехарактерна такая полярная оппозиция. В основном эмоциям любви, симпатии противостоит такая эмоция, как антипатия.

Текстовый анализ произведения «Чемодан» показал, что наиболее ярко описываются эмоциональные ситуации неприязни, антипатии в контрасте с ситуациями любви и симпатии в рассказах «Зимняя шапка» и «Куртка Фернана Леже». В рассказе «Куртка Фернана Леже» неприязнь и антипатия репрезентируются в контексте сопоставления с противоположным чувством симпатии. Этот психологический контраст необходим автору для усиления репрезентации ощущения чувства неравенства, испытываемого Сергеем и осознающего свое неравенство с другими. Герой-рассказчик, Сергей, с детства дружил с сыном знаменитого актера, Андрюшей Черкасовым, чья семья принадлежит к привилегированному социальному слою. Разница двух семей в социальном статусе, материальном положении и жизненной судьбе описывается в ряде контрастных изображений.

Будучи еще мальчиком, Сергей остро ощущал разницу в отношениях домработниц к нему и Андрюше, что очень точно передается в его внутренней речи: *Сами Черкасовы относились ко мне хорошо. А вот домработницы — хуже. ... Я ощущал неравенство.*

... И все-таки я чувствовал обиду. Андрюша был главнее. Челядь побаивалась его как хозяина. А я был, что называется, из простых. И хотя домработница была еще проще, она меня явно недолюбливала. Изображение чувства неравенства и обиды усиливается с помощью противопоставления их на синтаксическом уровне, в параллельных конструкциях (*относиться ко мне хорошо ↔ хуже, побаиваться его ↔ недолюбливать меня*), использовании союзов для обозначения сравнения и уступки (*а, хотя*), использовании сравнительной формы прилагательных или наречий с оценочной усиленной семантикой (*главнее, хуже, проще*). Переживания из детства, описываемые главным героем в его внутренней речи, завершаются его же рассуждением, в котором отмечается парадоксальность ситуации несоответствия того, что должно быть теоретически, с тем, что есть на самом деле: *Теоретически все должно быть иначе. Домработнице следовало бы любить меня. Любить как социально близкого. Симпатизировать мне как разночину. В действительности же слуги любят ненавистных хозяев гораздо больше, чем кажется. И уж конечно, больше, чем себя*. Ощущение социального неравенства усиливается различными приемами: парадоксальным сочетанием слов (*любить ненавистных хозяев*), синонимическим повтором, парцелляцией и градацией (*любить меня, любить как социально близкого, симпатизировать мне как разночину*), противопоставлением (*любить меня ↔ любить ненавистных хозяев*), использованием сравнительных форм оценочных наречий (*любить гораздо больше, чем кажется; больше, чем себя*). В рассказе используются разные формы контекстно-вариативного членения: внутренняя речь, в которой активно употребляются местоимения первого лица единственного числа *я, мне, меня*, рассуждения с модальной семантикой, передаваемой модальными словами *должно быть, следовало бы*. Слова-антонимы *недолюбливать, ненавистный* и противоположные им по значению *любить, симпатизировать* используются для описания сложных противоречивых взаимоотношений между людьми разных социальных групп и статусов, усиливая репрезентацию чувств неприязни, обиды у главного героя.

Слова антонимической микрогруппы *Любовь ↔ Неприязнь* (*любить/полюбить, предпочитать ↔ ненавидеть*) встречаются также при описании предпочтения. Читаем реплику мамы Андрюши: — *Какая ты счастливая, Нора! Твоему Сереже ириску протя-*

нешь, он доволен. А мой оболтус любит только шоколад... Для противопоставления двух мальчиков в речи Черкасовой использована антитеза с употреблением уменьшительной формы *Серезжа* по отношению к сыну Норы и разговорно-сниженного выражения *оболтус* по отношению к своему сыну. На самом деле к такому предпочтению Сергея вынудило материальное положение его семьи, что проявляется в его рассуждениях во внутренней речи: *Конечно, я тоже любил шоколад. Но делал вид, что предпочитаю ириски. ...В семь лет я уверял маму, что ненавижу фрукты. К девяти годам отказывался примерить в магазине новые ботинки. В одиннадцать — полюбил читать. В шестнадцать — научился зарабатывать деньги.* Во внутренней речи Сергея противопоставление реальных желаний и мнимых предпочтений, выражаемых в поступках в реальной действительности, в вынужденном выборе нежелательного, описывается с помощью союза со значением уступки (*но*), усиливается синонимическим повтором предикатов предпочтения (*любить, предпочитать, полюбить*) и параллельными синтаксическими конструкциями (*любить шоколад, предпочитать ириски, ненавидеть фрукты, полюбить читать*). Ключевые фрагменты, передающие описания подобных противоречивых обстоятельств в разном возрасте персонажа, основаны на градации, способствующей передаче динамики развития этих ситуаций.

Если в рассматриваемом рассказе актуализируется социальное значение понятия антипатии, то в рассказе «Зимняя шапка» данное понятие представлено в другом плане — для описания унижения и отсутствия внимания в контрасте с симпатией, заботой во взаимоотношении мужчин и женщин. Далее подробнее остановимся на этом рассказе.

Рассказ «Зимняя шапка» начинается с известия о смерти машинистки редакции, где работает рассказчик, Сергей. Разговоры между коллегами редакции с критическим отношением к самоубийству машинистки, еврейки Раисы, внушили Сергею отвращение, после чего он решил пойти к своему старшему брату Борису. При встрече с друзьями Бориса Сергей заметил неадекватное отношение женщин к себе по сравнению с Борисом. *Я пошел в буфет. Через три минуты вернулся. За это время женщины успели полюбить моего брата. Причем все три одновременно. К тому же их любовь носила оскорбительный для меня характер. Если я тянулся к шпротам,*

*Софа восклицала: / — Почему вы не едите кильки? Шпроты предпочитает Боря! / Если я наливал себе водку, Рита проявляла беспокойство: / — Пейте «Московскую». Боря говорит, что «Столичная» лучше! / Даже сдержанная Галина Павловна вмешалась: / — Курите «Аврору». Боре нравятся импортные сигареты. / — Мне тоже, — говорю, — нравятся импортные сигареты. / — Типичный снобизм, — возмутилась Галина Павловна. Чувства оскорбления, унижения и обиды у персонажа возникают в связи с заботой женщин только о Борисе и их презрительном отношении к Сергею. Описание симпатии женщин к Борису и их заботы о его предпочтениях усиливается использованием частичного лексико-семантического повтора (*полюбить, любовь*), параллельных синтаксических конструкций (*Шпроты предпочитает Боря! Боря говорит, что «Столичная» лучше! Боре нравятся импортные сигареты*). Подобное отношение контрастирует с описанием отношений женщин к Сергею: в ответ на слова Сергея о его предпочтении импортных сигарет, женщины реагируют неодобрительно, характеризуя высказанную привязанность негативно-оценочным словом *снобизм*. Во внутренней речи Сергея его рассуждение по этому поводу также содержит отрицательную оценку эмоционально-уничижительного отношения к нему со стороны женщин: *их любовь носила оскорбительный для меня характер*.*

Это чувство испытываемого оскорбления усиливается в следующем текстовом фрагменте: *Потом Рита сказала: / — Я еду в аэропорт. Мне нужно встретить директора картины. Сергей, проводите меня. / Ничего себе, думаю. Боря ест шпроты. Боря курит «Джебел». Боря пьет «Столичную». А провожать эту старую галошу должен я?! / Брат сказал: / — Поезжай. Все равно ты читаешь газету. / — Ладно, — говорю, — поехали. Унижаться, так до конца*. Противопоставление симпатии ↔ антипатии усиливается антитезой с использованием цепочки синтаксических конструкций: *Боря ест шпроты, Боря курит «Джебел». Боря пьет «Столичную»*, с одной стороны, и, с другой — оценочного выражения во внутренней речи Сергея: *А провожать эту старую галошу должен я?!* и его решительного вывода: *Унижаться, так до конца*.

Негативные эмоции, связанные с данной ситуацией и событием в редакции, стали причиной драки Сергея с незнакомыми парнями при вызове машины на улице. *Весь день я испытывал сплошные*

негативные эмоции. А тут еще — прямое уличное хамство. Вся моя сдерживаемая ярость устремилась наружу. Я мстил этим парням за все свои обиды. Тут все соединилось — Рая, газетная поденицина, нелепая лыжная шапочка, и даже любовные успехи моего брата. После этого инцидента отношения этих же женщин к Сергею стали меняться. Происходило что-то странное. Когда я был нормальным человеком, мной пренебрегали. Теперь, когда я стал почти инвалидом, женщины окружили меня вниманием. Они буквально сражались за право лечить мой глаз <...>. / Брат пытался что-то говорить, давать советы, но его одергивали. Если он вносил какое-то предложение, женщины реагировали бурно: / — Замолчи! Пей свою дурацкую водку! Ешь свои паршивые консервы! Обойдемся без тебя! Объекты симпатии и презрения меняются местами: Сергея начинают жалеть и испытывать к нему симпатию, а к Борису появляется негативное отношение. Подобный эмоциональный переход подчеркивается использованием антитезы (Когда я был нормальным человеком, мной пренебрегали. ↔ Теперь, когда я стал почти инвалидом, женщины окружили меня вниманием.), описанием грубого отношения женщин к Борису (его одергивали), пренебрежительными выражениями в репликах женщин (замолчи, дурацкая водка, паршивые консервы, обойдемся без тебя). Таким образом, в тексте актуализируется динамика эмоций, их интенсивность и нестабильность, подвижность оценочных смыслов.

В рассказе описаны два инцидента драки, связанной с чувством обиды, вызванной ситуациями антипатии и презрения. Причиной первого инцидента, как уже говорилось, стали негативные эмоции, вызванные событием в редакции и встречей с друзьями брата. Второй инцидент — это драка Бориса с человеком, назвавшим его евреем. Таким образом, в рассказе появляется тема положения евреев и антисемитизма в Советском Союзе.

Слова, обозначающие неприязнь, отвращение, презрение или унижение, встречаются и в других фрагментах рассказа — при описании отношения главного героя к разговорам коллег (И вдруг мне стало **тошно**.), настроения рассказчика (Настроение у меня было **гнусное**. В редакцию ехать не хотелось. Денег не было. Будущее **тонуло во мраке**.), в разговоре о деньгах (— <...> рубль, если можно, верни. / — Считай, что этот **паршивый** рубль у тебя в кармане...), при описании причины гнева (— Первый раз вижу еврея-

алкоголика! / Братец мой невероятно оживился. Как будто всю жизнь мечтал, чтобы **оскорбили** его национальное достоинство.), выражения гнева (*Я его **изматерил.***); следов побоев и драки в лице человека (*В приемной ожидали люди с разбитыми **физиономиями.*** / *Если моему хахалю **рожу** набили, куда обратиться?* / *Но у меня разбита **физиономия.*** / *Шашлычная — это единственное место, где разбитая **физиономия** является нормой...* / *Я ему дал по **физиономии.*** И он мне дал по **физиономии.**). Следствием этого является расширение парадигмы лексических единиц, являющихся репрезентантами литературно-художественного концепта НЕПРИЯЗНЬ в рассказе С. Довлатова, в которую включаются лексемы со значением отвращения (*тошно, гнусный*), выражения, указывающие на пренебрежительное отношение говорящего (*снобизм, галоша, паршивый, дурацкий, физиономия, рожка, одергивать, замолчи*), слова, характеризующие подобные ситуации (*оскорбительный, оскорбить, пренебрегать, унижаться, изматерить*).

Итак, концепт НЕПРИЯЗНЬ в цикле рассказов «Чемодан» структурирован следующим образом: 1) ядро концепта составляют когнитивные признаки 'недружелюбное, недоброжелательное чувство, чувство нерасположения, отвращения'. Основными его лексическими репрезентациями являются ключевые слова *недолюбливать, относиться к кому-л. хуже, ненавидеть, ненавистный, гнусный, тошно*, выражающие разную степень экспрессивности и интенсивности этого чувства. 2) приядерная зона формируется когнитивными признаками субъектного аспекта (Сергей, друзья Бориса); когнитивным признаком, указывающими на источники (причину) антипатии (критическое отношение к смерти коллеги, а также персонажи рассказа Сергей и Борис); 3) в зону совмещенных когнитивных признаков включаются сопряженные с неприязнью когнитивные признаки других эмоций, связанных с симпатией домработниц к хозяевам, симпатией женщин к Борису (*любить, полюбить, симпатизировать, относиться к кому-л. хорошо, нравиться, любовь*), которая усиливает чувства неприязни главного героя. Отношение к еде и различным видам занятий Сергея и Бориса построено на контрасте и свидетельствует о противоположности их внутренних предпочтений, о их восприятии событий, основанном на чувствах оскорбления и унижения; 4) периферия концепта НЕПРИЯЗНЬ образована оценочными выражениями грубого характе-

ра, указывающими на неприязнь и пренебрежительное отношение к главному герою. Кроме того, данный концепт отражает авторскую эмоциональную тональность и модальность, которые являются репрезентантами его восприятия и концептуализации мира и формируют индивидуально-авторский вариант концепта, который является частью литературно-художественной концептосферы рассказов С. Довлатова.

Литература

Бабенко Л. Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремииологии): словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2017. С. 11–21.

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. 464 с.

Балашова Е. Ю. Любовь и ненависть // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М. : Гнозис, 2007. С. 111–129.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Раздумья о России. СПб. : LOGOS, 2001. С. 493–505.

СТПИ — Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. Л. Г. Бабенко. М. : Проспект, 2011. 232 с.

СТСРР — Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 512 с.

Хутова Э. Р. Бинарная оппозиция «любовь/ненависть» в разносистемных языках : лингвокультурологический аспект : на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков : дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 184 с.

Yeh Hsiang-lin

*National Chengchi University,
Taipei, Taiwan*

REPRESENTATION AND CONCEPTUALIZATION OF ANTIPATHY IN S. D. DOVLATOV'S SHORT-STORY COLLECTION "THE SUITCASE"

The present study investigates the emotional space of stories from the collection "The Suitcase" by S. D. Dovlatov, with focus on the representation and conceptualization of antipathy. The analysis reveals the author's individual features of lexical representations of the concept ANTIPATHY, taking into account the implementation of various structure sets of this concept: the core, the sub-core, the near and far periphery of the concept that shape the formation of emotive space of the text.

Keywords: representation and conceptualization of emotions, emotive space of the text, concept ANTIPATHY, S. Dovlatov.